

Н.Ю. СТОЮХИНА, Т.В. СИРОТКИНА.

**БОГОСЛОВ И ПЕДАГОГ МИТРОФАН СЕМЁНОВИЧ
ГРИГОРЕВСКИЙ¹**

Российская психология конца XIX – начала XX вв. представляла собой пёструю картину: эмпирическое направление, экспериментальное и религиозно-философское [7]. Учёных религиозно-философского направления, педагогов и психологов – профессора Киевского университета Св. Владимира Николая Михайловича Боголюбова [12], профессора Харьковского университета Фёдора Александровича Зеленогорского, профессора Казанской духовной академии Вениамина Алексеевича Снегирева [4] и инспектора народных училищ Митрофана Семёновича Григоревского – объединяет многое.

Во-первых, они из семей священнослужителей, во-вторых, они выпускники духовных образовательных учреждений, в-третьих, хронотопы их судеб были связаны с Нижним Новгородом, в-четвертых, они внесли свой вклад в развитие отечественных гуманитарных наук. Если о Боголюбове и Зеленогорском есть некоторые сведения, то М.С. Григоревский не известен историкам психологии – его педагогическая деятельность в провинции была посвящена народному образованию, но найденные его работы по истории, организации школьного дела, словесности, педагогике, богословию заставляют обратить внимание на скромного российско-украинского педагога. Биографические материалы о нём любезно выложены коллегами-историками на сайте истории Глуховских гимназий [1], и мы тоже воспользуемся ими.

Митрофан Семёнович родился 3 июня в 1872 г. в Курской губернии в семье псаломщика. Окончив в 1895 г. Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия с правом на получение магистра «через предоставление удовлетворительной печатной диссертации и публичное защищение ее», был назначен преподавателем Архангельской духовной семинарии по всеобщей и русской гражданской истории. Он также преподавал историю русского раскола, обличительное богословие, руководил библиотекой семинарии, был помощником инспектора и делопроизводителем редакции «Архангельских епархиальных ведомостей». С 1899 по 1903 г. был смотрителем Архангельского духовного училища.

Главный труд Митрофана Семёновича, написанный им в Архангельске, – «Учение святого Иоанна Златоуста о браке» (1903 г.), где автор говорил о важной роли семьи в здоровой нравственной жизни общества и его живучести [4, с. 5]. «Если внутри этой общественной единицы искажены основные начала жизни, если испорчено это зерно общественного развития и порядка, то сколько бы ни творили мы искусственных форм, они не приведут с собой здоровой жизни для общества» [4, с. 5]. Как «неустройство семьи расстраивает всю вселенную», так и, наоборот, «если супружеские отношения в порядке, то и дети воспитываются хорошо, и слуги благочинны, и соседи, и друзья, и родственники радуются, и всем приятно согласие супругов» [4, с. 5]. Основная мысль М.С. Григоревского состоит в том, что «главной целью христианского брака является не рождение детей, как во внехристианском браке, но внутреннее духовное восполнение одной личности другою, взаимное содействие в целях гармонического течения земной жизни и нравственного совершенствования. Чадорождение – второстепенная цель брачного союза» [4, с. 80]. За эту работу по указу Святейшего Синода 21 марта 1903 г. Митрофану Семёновичу была присвоена степень магистра богословия.

С 1905 по 1907 гг. Григоревский был инспектором Киевской духовной семинарии, а с 1906 г. исполнял обязанности ректора. Затем был назначен директором Великосорочинской

¹ Источник публикации статьи: Український часопис російської філософії. Випуск 12. - С. 389-399.

учительской семинарии им. Н.В. Гоголя (1907–1909), Глуховского учительского института (1909–1913), где с 1 октября 1909 г. занимал должность председателя педагогического совета Глуховской женской гимназии.

В 1913 г. он переезжает в Нижний Новгород, где его ждёт должность инспектора народных училищ, и недолгое время (1–20 июля 1917 г.) он исполнял обязанности директора Нижегородского Владимирского реального училища со средним механико-техническим училищем. Здесь М.С. Григорьевский особенно углубился в изучение психологии обучения, школоведения, постоянно выступая сторонником религиозного воспитания детей. Последний вопрос – религиозное воспитание – остро стоял в России в начале XX в.

Следует вспомнить, что религиозное воспитание в дореволюционной России велось по двум основным направлениям: в учебных заведениях через учебную дисциплину Закон Божий, и через семейное воспитание. В начале XX в. оба эти направления испытывали серьёзные проблемы [12].

Уже к концу XIX в. Закон Божий (З.Б.) представлял собой один из главных учебных предметов начальных и средних учебных заведений и имел целью обучение истинам христианской религии, правилам религиозной нравственности, знакомство с основными положениями православного вероучения, богослужением, Священной историей. К началу XX в. в светских учебных заведениях формальный метод преподавания Закона Божия, не учитывавший широту распространения нигилистических, материалистических, антирелигиозных настроений, стал подавляющим: заучивание наизусть, не позволявшее ученику ни малейших отступлений от дефиниций и толкований учителя, с одной стороны, и неукоснительная обязанность учителя следовать учебнику – с другой. Летом 1909 г. в Петербурге прошел Всероссийский съезд преподавателей З.Б. светских средних учебных заведений, где было уделено внимание методике обучения и составу предмета. Съезд в целом констатировал существующую на тот момент реальность – программы, методики преподавания З.Б. устарели, они не отвечают культурным и социальным переменам в обществе, следовательно, нуждаются в реформировании.

Что касается религиозного воспитания в семьях, то с самых первых лет наступившего века в семьях российской интеллигенции оно перестаёт занимать то важное место, которое ему отводилось ранее, и это изменение в общественном мировоззрении сразу же нашло отклик в печати.

Педагог Марков в журнале «Вестник воспитания» публикует результаты обширного анкетирования в молодежной среде [6]. Три вопроса в анкете касаются отношения к религии. Первый из них должен был выяснить основные пункты расхождения молодежи с религией. Из 250 человек 38 заявляли, что верны своей религии; более 60 назвали себя атеистами. Второй вопрос касался соблюдения религиозных обрядов. Отрицательно ответили на него 210 человек, неопределенно – 40. На вопрос «Верите ли вы в загробную жизнь?» из 316 человек положительно ответили 38, неопределенно – 42 и отрицательно – 236.

Авторы различных публикаций отмечали важность религиозных вопросов ребёнка, проявляющихся в сравнительно раннем возрасте, и требование ответа на них. «Невозможно обойти их молчанием, отвечать на них лишь сухим и формальным преподаванием в школах З.Б. и требованием внешней обрядовой религиозности от воспитанников. Многие полагают, что вопрос о религиозном воспитании отпадет при отделении школы от церкви и при устранении преподавания в школах З.Б. Последнее мнение представляется нам неверным», – пишет педагог Н. Смирнов, частый автор журнала «Вопросы воспитания» [11, с. 44]. Если З. Б. уберут из школьного преподавания, то религиозное воспитание учащихся перейдёт или семье, или представителям той церкви, к которой принадлежит семья. Они, встретившись с религиозными запросами ребенка, должны будут с ними считаться, игнорировать их будет невозможно, т.к. «ребенок будет искать на них ответов из каких-либо других источников, которые нередко могут дать чрезвычайно уродливые решения, искажающие сокровенные запросы человеческого духа» [11, с. 44].

Если за границей обсуждение вопроса о религиозном воспитании уже привело к

какому-то рациональному разрешению его, то в России «печать и общество почти лишены возможности трактовать этот важный предмет всесторонне. Религиозное воспитание, усиленно поддерживаемое у нас учебной и общей администрацией, оценивается ими с точки зрения "благонамеренности" и противовеса различным "вредным" течениям общественной мысли.

При таком положении вещей то, что выходит из предназначения власти, подвергается всевозможным гонениям и репрессиям» [11, с. 45], поэтому общая и педагогическая пресса редко касаются религиозного воспитания, хотя и признают этот вопрос очень серьёзным.

Кризис традиционного религиозного мирозерцания, религиозный индифферентизм общества, переходящий нередко в пренебрежительное или враждебное отношение к религии и в особенности к представителям духовенства, – всё это, при отсутствии или шаткости других устоев морали, привело к тому, что «люди остаются без всяких руководящих принципов нравственности, утрачивают стойкость воли и погружаются в тину мелочной житейской прозы, серой и вялой жизни без идеалов и ясных, определенных перспектив» [11, с. 46]. Звучали вопросы: может быть, в общественной психологии идёт выработка новых устоев? возможно ли строить религиозное воспитание целиком на старых началах?

Детский психолог Н.А. Рыбников отмечал наименьшую изученность такого явления, как религиозные переживания раннего детства: «<...> До сих пор еще идет спор о том, может ли возникнуть религиозное чувство самопроизвольно в душе ребенка, или оно внушается ему со стороны окружающих» [10, с. 21]. Он также отмечал особенность русской интеллигентской семьи в религиозном вопросе: «<...> Этот вопрос – ее болезненное место. Именно в этом пункте взаимное непонимание "отцов" и "детей" у нас особенно резко сказывается. <...> Обычные "интеллигентские" разговоры о Боге, религии, "попах" и других подобных темах рано начинают сеять скептицизм в юной детской душе. Навязывая ребенку свои рационалистические взгляды, "отцы" вносят болезненный разлад в эту душу, которая меньше всего в этом возрасте способна удовлетвориться отвлеченными рассуждениями старших. При некоторых условиях этот разлад обращается порой в настоящую драму мятущейся, ищущей понятного ей ответа, детской души» [10, с. 22].

Российский педагог и психолог М.М. Рубинштейн писал, что нерешительность общества в вопросах религиозного воспитания более нельзя терпеть: «<...> Тот, кто просто устранился от решения этой роковой проблемы, в сущности, отдал решение ее в руки слепого случая, отдал своих детей на произвол судьбы со всеми его тяжкими последствиями» [9, с. 75]. Почему, по мнению М.М. Рубинштейна, проблема религиозного воспитания – «роковая»? Потому что речь «идет не только о детях, но снова и снова ставят нас, взрослых, лицом к лицу с вопросом о том, верим ли мы сами, чем живы мы, взрослые» [9, с. 75]. Учёный имел в виду, в первую очередь, религию как личное переживание, её связь с безусловным, ценным, бесконечным, абсолютным, находящую выражение во всей совокупности чувств, действий и опыта отдельной личности, в сознании связи единичного с общей жизнью целого, в чувстве бесконечного и связи с ним. Как же проводить религиозное обучение и воспитание? По мнению автора, надо «отклонить догматическое обучение и вступить на путь исторического», поскольку только такой исторический путь дает возможность подчеркнуть общечеловеческий характер религиозной жизни, на почве которой «рождается сильная, устойчивая, всеобъемлющая жизнерадостность, в которой так сильно нуждаются именно люди нашего времени» [9, с. 121].

Педагог Николай Смирнов обратил внимание на эстетическое значение религиозного воспитания. «Не по книжкам, не в музеях и галереях, не путем заграничных путешествий должны дети научиться постигать красоту и оценивать прекрасное» [11, с. 49], – пишет он, для чего можно использовать естественные ближайшие источники: природа, человеческая жизнь во всём богатстве её проявлений, религия с её культом – богослужением. На последнем автор останавливается подробнее. Основными психологическими пружинами религии он считал «жажду единения с Небесным и жажда искупления, великой, неземной, на земле творящейся искупляющей жертвы, <...> это необъятно великое, высшее всех наших о

нем представлении, эта повсюдная тайна, дающая знать о себе в каждом атоме, каждом биении нашего собственного пульса, влекущее к себе нас неизрекаемой прелестью повсюду — оно возбуждает в нас чувство проникновенного благоговения и всецелой преданности. Чем глубже захватывают нас переживания, тем разнообразнее, сложнее проявления нашего религиозного творчества, тем богаче символикой наш культ и тем разубраннее наши символы» [11, с. 53].

У большинства детей уже на 2-м году замечается элементарное эстетическое чувство, склонность к эстетическим интересам. Даже дети 5–6 лет обнаруживают уже резко выраженное стремление подмечать красивое, любоваться им, понимать его, 6–9-летние уже «выделяют разнообразные сопутствующие эмоции морального, интеллектуального свойства, но эстетический момент всё же является для них наиболее характерным. Эстетические склонности теперь возбуждают детей к самостоятельному творчеству в самых разнообразных видах. Область эстетических восприятий значительно расширяется <...>. Чувства ласки, уважения, возвышенного, величественного, грозного и нежного начинают тесно переплетаться с элементом просто эстетически-приятного, давая разнообразные окраски переживаниям ребенка, как специфически человеческим» [11, с. 55]. В этот период роста эстетической жизни ребёнка необходимо позаботиться об обогащении его сознания новым опытом в области эстетических восприятий, чтобы он шире и разностороннее переживал доступные его возрасту эстетические эмоции, упражняя и воспринимающее аппараты и своё сознание. По мнению Н. Смирнова, религиозный культ представляет собой легко воспринимаемые детьми эстетические формы, лежащие в основе простых и сложных чувствований: «В религиозном культе необыкновенно много красоты вкладывается в краски, звуки, движения. Обилие художественных изображений, живописных икон, представляющих и отдельные фигуры, и целые сцены; орнаментировка – лепная, разная, живописная, дающая фантастические узоры, оригинальные формы и фигуры или пеструю игру цветов – все это материал, дающий пищу элементарным эстетическим эмоциям. Для детей здесь великолепная школа: они учатся вглядываться, замечать и воспринимать новые сочетания тонов, игру красок <...>. На первоначальных ступенях детства церковный орнамент может занимать детей. <...> Он дает богатую пищу детскому воображению, будит эстетические эмоции, обогащает опытом, наиболее отвечая детским эстетическим интересам» [11, с. 56]. Из культовых впечатлений особенно важное значение должно иметь само богослужение, процесс службы: торжественная важность, плавность, размеренность движений, моторный ритм, гармонизованный с рядом зрительных впечатлений, характер церковного пения – красота действует на душу облагораживающе. Проявление красоты в духовной человеческой природе ценно в воспитательном отношении, т.к. эстетическое и этическое сливаются в гармонии. Все истинно человеческие переживания превращают носителя в живого творца красоты высшего типа.

Статья вызвала вопросы в обществе: кто будет проводником такого религиозно-эстетического воспитания? в каком возрасте следует начинать религиозное воспитание и в какой последовательности? М.С. Григорьевский не остался в стороне от этих вопросов, стремясь объяснить «сущность и значение безрелигиозной морали и указать те последствия, которые несет она человеку» [2, с. 32]. Основная идея нравственности, по его мнению, «состоит в свободном единении человеческой и божественной воли, человек делает свою собственную личность органом Бога, в общении с которым он преобразует царство человеческое в царство Божие. Основа нравственности – идея религиозно-нравственного бытия, которое по своему принципу обнимает все человечество, жизнь человека в Боге связывает со всей его жизнью в мире. Религия и нравственность связаны между собой неразрывны» [2, с. 32]. Человек становится человеком при принятии Бога и осознании совести, «выражение богосознания есть религия, а выражение совести есть нравственность. Если разделять религию и нравственность, то надо разрывать единство самого человека» [2, с. 33]. Григорьевский утверждал: «<...> С утратой веры в Бессмертного, человек лишается и веры в бессмертие, а без убеждения в своем бессмертии связи человека с землей

надрываются, становятся тоньше, гнилее, потеря же высшего смысла жизни несомненно ведет за собой самоубийство. <...> Воспитанный на гражданской морали, без веры в Бога и загробную жизнь, человек лишается сдерживающего начала для своего эгоизма, который является совершенно последовательным выводом из теоретического положения, что человек есть только "продукт природы", только "высшее животное", которое прекратит свое существование вместе с телесной смертью» [2, с. 35]. Беспощадный эгоизм всегда будет преследовать людей, которые живут вне религиозных требований.

В Нижнем Новгороде Митрофан Семёнович написал важнейший труд – учебник по педагогической психологии [3]. Как известно, термин «педагогическая психология» ввёл П.Ф. Каптерев в 1877 г., назвав так «руководство для народных учителей и воспитателей, цель которого – донести до массы педагогов основные сведения по психологии» [7, с. 74]. Сначала он не ставил другой задачи, но, как пишет историк психологии А.А. Никольская, к моменту выхода 3-го издания книги (1914 г.) были накоплены данные по изучению ребёнка, достигнута достаточная зрелость теоретической мысли, и тот же П.Ф. Каптерев писал: «Педагогическая психология <...> есть дисциплина, соединяющая педагогику с психологией, ведущая от педагогики в психологию» [7, с. 155], что уже подчеркивало специфику педагогической психологии как самостоятельной научной дисциплины и указывало направление движения мысли автора, ставившего на первый план потребности педагогики. В том же направлении, но внося своё видение, были написаны работы Н.Д. Виноградова «Педагогическая психология в связи с общей педагогикой» (1916), М.М. Рубинштейна «Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой» (1920), Н.Е. Румянцева «Лекции по педагогической психологии для народных учителей» (1913), Л.Е. Оболенского «Новая наука педология» (1900).

Свой взгляд на педагогическую психологию предлагает народным учителям и М.С. Григоревский. Он считал, что психология нужна воспитателю, чтобы показать «законы постепенного роста духовных способностей ребенка» и дать ему ключ к разгадке личности ребенка. «Только при свете психологических данных можно составить более или менее правильный план воспитательного воздействия применительно к будущим духовным силам живого детского организма <...> продумать до конца ход обучения детей» [3, с. 13]. Вслед за К.Д. Ушинским, Митрофан Семёнович считал, что «изучение человеческой природы в ее вечных основных, в ее современном состоянии и в ее историческом развитии составляет главную основу педагогики или искусства воспитания» и требует от учителя большого труда и самоотвержения, которые вознаграждаются теми результатами, которые они приносят учителю: «<...> Педагогический кругозор его расширяется, и из-за учебных руководств, расписаний и экзаменов он яснее увидит ребенка; представления об окружающем делаются яснее, является большая вера в себя и в тоже время развивается критическое отношение к делу, способное оказать сильное влияние на его такт, терпение и гуманное обращение с детьми» [3, с. 15]. Он считал, что содержание курса педагогической психологии для народных учителей ограничивается конкретными данными для практического применения, там должно быть минимум из научной психологии, и быть «в высшей степени популярным; те, кто чувствует влечение к предмету, могут пойти дальше, насколько пожелают» [3, с. 15].

В качестве методов анализа душевных явлений Григоревский рекомендует:

- самонаблюдение как «основу и предпосылку всех психологических методов, так как тут наблюдателю непосредственно дается объект его исследований», хотя оно имеет свои трудности: «душевные явления (горе, радость, гнев) бывают настолько сильными, что исключают самую возможность их изучения в момент переживания, <...> становясь предметом изучения, душевные переживания и простые душевные явления теряют сразу в значительной степени интенсивность и могут изменить свой первоначальный вид» [3, с. 22];

- наблюдение над другими людьми, а именно над нормальными душевными состояниями людей, над психическими аномалиями и душевными болезнями, над психической жизнью детей и животных и над отражением индивидуальной и коллективной жизни в истории, языке и литературе [3, с. 23];

• метод опросов, составляющий основу психологической статистики; хотя метод опросов критикуют за то, что «в нем нет возможности контролировать правдивость отвечающих и что многие, не понимая вопросов, дают на них крайне запутанные ответы, тем не менее, благодаря этому методу, получают такие указания, которых иначе нельзя получить» [3, с. 24];

• экспериментальный метод: субъективный, опыт над самим собою, путём усилия воли и воображения субъекта, и объективный, направленный на других людей, с целью исследования особенностей памяти, воображения и т.д. [3, с. 32]; несмотря на то, что для эксперимента существует определённый предел: «<...> Нельзя экспериментальным путем вызвать сильное проявление высокоразвитого чувства (напр., совести)» [3, с. 33] и тогда следует довольствоваться самонаблюдением.

М.С. Григоревский посвятил несколько страниц описанию проявлений религиозного чувства у детей. Он считал, что Бог близок детям ввиду их иного религиозного сознания: «Бог для них представляется "Отцом небесным"», к которому они и обращаются с наивною молитвой, <...> это обладающий всемогуществом отец, награждающий и порицающий личный властитель мира» [3, с. 247], богатый, знатный, всемогущий. Дети любят молиться, молитва даёт им счастье.

Так как религиозное сознание детей находится под влиянием родителей и воспитателей, и догматическое обучение вызывает у детей большую спутанность, поэтому «элементарное преподавание Закона Божия более всего действует на детей не раскрытием догматических истин, а при помощи указаний на примеры святых и великих личностей» [3, с. 248]. Педагогика никогда не должна отказываться от религиозного обучения в школе, т.к. религиозное мировоззрение приводит человеческие интересы к единению, даёт покой душе, порождает жизнерадостность, нравственное мужество и нравственную активную силу. Из нравственных чувствований любовь к матери занимает первое место.

Курс лекций наполнен именами и цитатами из работ всех современных автору психологов и педагогов: Д.Т. Лэдд, К.Д. Ушинский, А.П. Нечаев, Э. Мейман, У. Джемс, Г.И. Челпанов, К. Бюхер, Я. Молешотт, В. Вундт, Дж. Болдуин, В. Ерузалем, И.Ф. Гербарт, Э. Вебер, Г. Фехнер, Г. Эббингауз, Х. Геффдинг, Дж. Селли, М.М. Манасеина, П.Ф. Каптерев и множество других.

Будучи в чине статского советника, директором народных училищ, членом нижегородского губернского училищного совета, он проживал в Нижнем Новгороде на улице Зелёная в доме Фролова. К сожалению, не сохранились данные о смерти Митрофана Семёновича Григоревского.

Творчество М.С. Григоревского включает работы по истории монастырей, богословию, литературной критике, педагогике, организации школьной работы, и мы попробовали восстановить его библиографический список:

Ставропигиальный первоклассный Соловецкий монастырь (Исторический очерк) (Архангельск, 1897).

Николаевский карельский третьеклассный монастырь (Исторический очерк) (Архангельск, 1898).

Сокращенная грамматика церковно-славянского языка (нового периода): для низших классов духовных училищ и высших классов церковно-приходских школ / Сост. М. Григоревский (1898).

Учение св. Иоанна Златоуста о браке. Магистерская диссертация (Архангельск, 1902).

Магистерский коллоквиум и речь, произнесенная перед защитой магистерской диссертации «Учение св. Иоанна Златоуста о браке» (Архангельск, 1903).

Дух и плоть (Киев, 1907).

Может ли христианин быть социал-демократом? (Киев, 1907).

Несколько слов по поводу «Жизни человека» Л. Андреева. (Киев, 1907).

Некоторые песнопения из служб воскресных на дни первой неделе великого поста и страстной, на великую пасху, на двенадцатые праздники и на дни общечтимых святых.

Славянский текст с русским переложением. Сост. М.С. Григоревский (Почаев, 1908).
 Черные вороны (О пьесе Протопопова «Черные вороны») (Киев, 1908).
 Педагогические воззрения К.П. Победоносцева (Киев, 1909).
 Гоголевские дни в Велико-Сорочинской учительской Семинарии (1809-1909).
 Юбилейное издание Семинарии под ред. М.С. Григоревского (Миргород, 1909).
 Наглядное обучение (Краткий исторический очерк). (Киев, 1911).
 Педагогические заветы Н.И. Пирогова. Чтение, предложенное воспитанникам Глуховского учительского института по поводу исполнения 13.11.1910 столетия со дня рождения Пирогова (Киев, 1912).
 География как учебный предмет в наших школах (СПб., 1912).
 Царь-освободитель Александр II (характеристика его личности и деятельности).
 Актовая речь, произнесенная 19 февраля 1911 г. по случаю 50-летия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости (Киев, 1912).
 Религиозный характер императора Александра I в его постепенном развитии (К столетию Отечественной войны) (Глухов, 1912).
 Псалмы, входящие в состав богослужбных часов первого, третьего, шестого и девятого и шестопсалмия. Славянский текст псалмов с русским переводом с греческого (Киев, 1912).
 Училищеведение. Для учительских институтов, учительских семинарий, педагогических курсов VIII класса женских гимназий (Киев, 1913).
 Народная школа. Педагогический сборник. Непериодическое издание. (Н. Новгород, 1914).
 Лекции по педагогической психологии, читанные народным учителям (Н. Новгород, 1914).
 Труды совещания инспекторов, законоучителей и учащихся высших начальных училищ 3-9 июня 1914 г. / Под рук. М.С. Григоревского (Н. Новгород, 1915).
 Училищеведение. Для учительских институтов, учительских семинарий, педагогических курсов, VIII класса женских гимназий (Н. Новгород, 1916).
 В помощь учителю трудовой школы. Школоведение (М., 1923).

Литература

1. Воспитанникам Глуховских гимназий посвящается... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://glukhov-gymnasien.com/welcome> .
2. Григоревский М.С. Вопросы нравственного воспитания (Безрелигиозная мораль) / Народная школа. Педагогический сборник под ред. М.С. Григорьева. – Н. Новгород, 1914. – С. 30–38.
3. Григоревский М.С. Лекции по педагогической психологии, читанные народным учителям. – Н. Новгород, 1914. – 267 с.
4. Григоревский М. Учение святителя Иоанна Златоуста о браке. – М., 2007. – 286 с.
5. Мазилев В.А., Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: психолог и богослов // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 138–150.
6. Марков. О школьной молодежи // Вестник воспитания. – 1913. – № 6. – С. 162–199.
7. Никольская А.А. Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России. – Дубна: Издательский дом «Феникс», 1995. – 336 с.
8. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 567 с.
9. Рубинштейн М. О религиозном воспитании // Вестник воспитания. – 1913. – № 1. – С. 75–123.
10. Рыбников Н. Религиозная драма ребенка // Психология и дети. – 1917. – № 5. – С. 21–32.
11. Смирнов Н. Эстетическое воспитание и религия // Вестник воспитания. – 1912. – №

6. – С. 44–76.

12. Стоюхина Н.Ю. Религиозное воспитание в российской психолого-педагогической публицистике начала XX в. // Психология и школа. – 2013. – № 1. – С. 104–126.

13. Стоюхина Н.Ю. Судьба и творчество Н.М. Боголюбова – российского и украинского богослова и психолога // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі / відп. ред. Аляєв Г., Суходуб Т. / Тов-во рос. філ. при Укр. філ. фондї; Полтавський нац. тех. ун-т ім. Ю. Кондратюка; Ін-т філософії ім. Г.С. Сковороди НАН України; Центр гум. освіти НАН України. – Полтава: ООО «АСМІ», 2014. – С. 317–332.